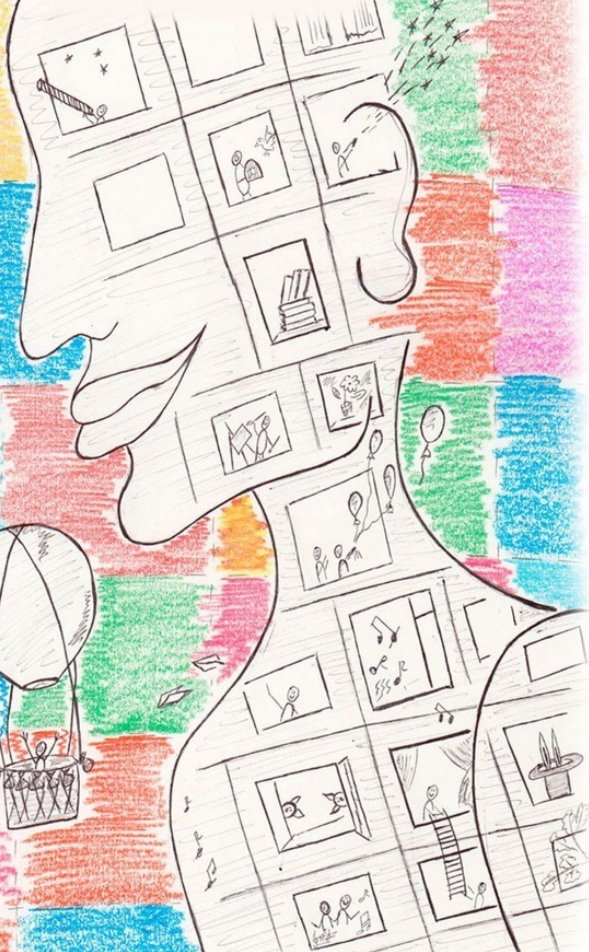

Настя Пятница

ПИНЬЯТА

РАССКАЗЫ

Настя Пятница Пиньята

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36304493

ISBN 9785449324320

Аннотация

Маленькие истории о поиске чудес вокруг себя, внутри себя и внутри тех, кто рядом. Эти чудеса пугают и бросают вызов, но они – наши самые большие друзья. Для широкого круга читателей.

Содержание

Мишель идет в кино одна	5
Лифт	11
Пакет ннада?	17
Привет, Елена	22
Пиньята	29
Лёгкий способ прославиться	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пиньята

Настя Пятница

Редактор Екатерина Василловская

Дизайнер обложки Ксения Хвост

Иллюстратор Настя Пятница

© Настя Пятница, 2018

© Ксения Хвост, дизайн обложки, 2018

© Настя Пятница, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-2432-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мишель идет в кино одна

Кто пойдёт в кино? :)

запись сделана 3 часа 56 минут назад

0 комментариев

Мишель не может вспомнить, когда кино с ней перестало быть популярным. Перед кем она так облажалась, что испортила свою репутацию?

Пришла с грязными волосами?

Слишком громко смеялась?

Не почистила зубы? Настояла на фильме с Галустяном?

Одна съела весь попкорн?

Опоздала на полтора сеанса? Хорошо, такое было. Но не каждый раз же.

– Пойдёшь со мной в кино?

– ...

– Почему ты боишься? Уверена, каждый раз, когда я тебе звоню, ты вздрагиваешь.

– ...

– Наверное, потому что вежливый. Читай свою книгу.

Идти в кино одной непросто. Почти неприлично. Ну и шуму наделает Мишель, когда появится там в своем бордовом

платье, в отвратительно зеленом берете и в зеленых же туфлях. Она пройдет в зал и сядет одна, и все посмотрят на нее так, будто она закурила посреде сеанса.

– *Пойдём в кино?*

– ...

– *Почему ты боишься?! Я зову тебя в кино, а не в ЗАГС!*

– ...

– *Смотри свой телевизор.*

Вам два места забронировать, сказала кинотётя в телефоне. Не спросила, а вроде как предупредила ее пожелание. Но нет, кинотётя, ты в полете сегодня, как и Мишель. Одно, говорит Мишель, одно. И в середине, пожалуйста.

Нужно будет постараться вести себя поприличнее, чтобы никого не смутить. Нельзя будет всплакнуть, даже на очень сентиментальных моментах. Грустного там быть не должно, а вот трогательное – обязательно. Когда ты – Мишель, и одна сидишь в кинозале, будь готова, что если ты расплачешься на сцене поцелуя главных героев, вопреки всем козням сценариста кое-как выстраданного за путь протяженностью в два километра пленки, все, кого ослепит блеск твоих слез в темноте, скажут: «Бедная девочка! Тот романтический момент, безусловно, напоминает ей о днях, когда у нее тоже был возлюбленный, который целовал ее под дождем, серпан-

тином свисающим с неба, и звезды взрывались и падали рядом с ними. Наверное, он тоже был брюнет». Но Мишель-то знает, что она не бедная девочка, и никакого брюнета у нее не было.

А вот люди этого не знают, и от этого им будет очень неудобно. И если какие-нибудь невезунчики купят билеты на места рядом с ней, им придется не целоваться, и даже, из вежливости, смотреть фильм. Этого Мишель больше всего боится. Испортить чужое свидание, даже если своего нет, просто аморально. И всё-таки Мишель идет в кино одна. Потому что в ситуации выбора «чужое свидание» или «собственный никому-кроме-тебя-не-сдавшийся вечер» здоровая доля эгоизма помогает прибегнуть к некоторому количеству безнравственности.

Началось с порога. Не слишком, видимо, толерантная женщина прямо на эскалаторе взяла своего мужчину под руку, через его плечо глянув на следующую за ними Мишель. Она-то думала, что им будет неловко!

Оказывается, некоторые собрались смеяться над ней.

– Один? – опять спросила кассирша. В ее голосе слышались недоверие и настороженность.

– Да! – Чётко сказала Мишель, и забрала билет.

– *Мы не можем быть вместе, Пабло! Это разобьет*

сердце моему брату!

– Но я не люблю твоего брата-трансвестита, Хосинта! Я люблю тебя! И я разобью ему нос, а не сердце, это понравится ему еще меньше!

Перед Мишель жевали попкорн. Справа от Мишель сидела напороченная ею парочка. Бедняги уже поняли, что им придется час сорок пять вести себя как на церковной службе. Девушка заметила случайный взгляд Мишель, и быстро сдернула свою руку с колена парня.

О том, что он пришел, возвестило недовольное гудение в начале ряда. Предварительно оттоптав несколько больших и средних пальцев ног, он сел слева от Мишель.

– Где ты ходил?! Я думала, ты не придешь. – зашипела Мишель.

– Я думал, это ты не придешь, вот и не хотел идти.

Мишель только фыркнула.

– Тебя ведь зовут Мишель?

– Конечно, разве это не твое любимое имя?

– Конечно, – кивнул он, и не стал представляться – Мишель сама прекрасно знает, какое из мужских имен ее любимое. – Что я пропустил?

– Она успела подраться с его матерью.

– Противостоит Эдипову комплексу? Какая уверенность в себе!

Но тут актеры укоризненно посмотрели на Мишель и Густава, и они перестали болтать, потому что главному герою нужно было сосредоточиться в тишине – ему предстояла сложная сцена: он должен был рыдать у ее окна, выкладывая алыми розами сердце, пронзенное стрелой, и их инициалы по восемь роз на каждый соответственно.

– Когда ты уже решишься сказать мне о своей любви, Пабло?! Завтра я навсегда уезжаю в Туркменистан, и ты больше никогда меня не увидишь!

– Я люблю тебя больше жизни, Хосинта, и никуда тебя не отпущу! – сказал Главный Герой, и смачно засосал Главную Героиню.

– Действительно, когда? – пробормотал Густав, и сказал Мишель: – Я тебя люблю!

Мишель ответила ему тактильным способом, чтобы было понятнее, а еще потому что она была очень стеснительная.

Влюбленные справа облегчено вздохнули, и после стольких минут воздержания наконец-то засосали друг друга.

– Очень хорошо, – сказала Мишель, – что мы наконец-то пошли в кино одни.

– Глупенькая, – сказал Густав, – Мы никуда не ходим одни – наши страсти бегут впереди нас, и тащат нас за собой

за поводки, как комнатных собачек.

– Это ли не явление чуда?

– Да, потому что это явление природы, где всё логично. Но нет ничего более закономерного, чем чудо.

Больше всего страсти Густава и Мишель сейчас хотели, чтобы полумрак кинозала плавно перетек в полумрак спальни их дома, в котором никогда не будет телевизора, потому что им больше не нужны фильмы.

КОНЕЦ

FENITA

Лифт

От кого-то я слышала, что если прыгнуть в движущемся лифте, то он непременно застрянет. Эта информация давно не давала мне покоя.

Признаюсь честно, прыгать было страшно. Может быть, потому что мои представления об устройстве лифта максимально приближены к пещерным. Объясняю: я думаю, что кабина висит на толстом таком канате на манер того, на который меня палкой пытались загнать в школе. И это значит, что если я прыгну слишком резко, то канат оборвется, и я ухну в распростертую подо мной бездну. Кроме этого, если я окажусь достаточно тяжела, моего прыжка не выдержит пол, и я долго буду одиноко лететь вниз, а от гибели меня сможет спасти только гигантская груда пищевых отходов, если она окажется как раз подо мной. Да, именно так я и вижу устройство дома: лифт опускается в подвал, точно туда же, куда по венам мусоропровода из всех квартир стекаются различные свидетельства жизненной активности человека. Я представляю себе это огромное подземелье, по площади равное зданию, и в глубину никак не меньше, чем в три этажа. Абсолютно везде, куда достает глаз, – холмы мусора. Настоящие мусорные Альпы. На их величественные хребты скромно и осторожно опускается кабинка лифта – маленький космический кораблик. Двери его раскрываются и я, как Нил

Амстронг в момент высадки на Луну, гордо ступаю на неизведанную землю.

Не смейтесь. Или нет, лучше смейтесь. Мне и самой понятно, что я тупая. И новость о моем отчислении для меня не новость. Однако количество неприятных последствий этого события от моего буквально дзеновского спокойствия почему-то не убавляется. Самое трудное по несправедливости приходится делать самым первым: по прибытии домой я должна буду сообщить отцу, что в этом семестре ему не нужно оплачивать мою учебу. И у меня есть объективные основания подозревать, что именно в этот раз идея за что-то не платить не покажется ему классной.

Всё так. Если я позволю равнодушной кабине отвезти меня на седьмой этаж, и там распахнуть свою железную пасть и выплюнуть меня на площадку, все будет кончено. Вариантов не останется. Бежать вниз не получится – соседи сверху тащат по лестнице пианино. Зайти не в свою квартиру? Сейчас ведь все на работе, кажется. Но папа выйдет на стон взламываемого мною с помощью заколки замка гораздо быстрее, чем приедут полицейские и подвергнут меня в спасительному заключению. «Что ты делаешь, дочь?» спросит он с любопытством. «Пап, меня отчислили», скажу я, и лицо папы примет такой вид, который я наблюдала у него лишь дважды: наутро после футбольного матча, в котором русские сыграли на огорчающе знаменитый счет в семь-ноль, и в тот раз, когда кто-то занял парковочное место около ресторана «Теле-

нок табака», которое папа почему-то искренне считает своим. Уничтожающе удивленное такое выражение. Почти что разочарование, причем вселенского масштаба: разочарование не сколько в конкретном человеке, но во всем сущем.

Представив себе это его лицо, я решительно сгруппировалась и прыгнула. Так, чтоб сразу, пусть уж лучше канат порвется. Не надо мне этих ваших лиц. Я лучше туда, вниз, к мусору.

Четыре часа и семнадцать минут, как я здесь. Самые прекрасные четыре часа и уже восемнадцать минут за последние сколько-то лет. Серьезно. Совсем не потому, что моя жизнь настолько уныла. Просто они действительно прекрасные.

Почему-то я никуда не ухнула. Но кабина действительно затрещала и замерла. А потом выключилась лампочка.

По-прежнему тепло. Ничего не видно, поэтому можно не волноваться. Помня, что пол был не очень чистый, я сажусь на сумку. Я зажмуриваюсь и притягиваю к подбородку колени. Я – космонавт в герметичной капсуле, и через секунду она отделится от тела корабля, и стремительно понесется к Земле. Домой. Ко мне. С себе.

К самому себе.

Я открываю глаза и вижу звезды.

Вся чернота – это уже не границы, а безграничие. В тем-

ном теле кабины нет потолка и пола. Всё – незримый и близкий космос. А вокруг – созвездия. Как в деревне. Ты не представляешь, сколько в деревне звезд! У деревень как будто свое, отдельное небо, одно на все деревни мира. Но с городами они им не делятся.

Темнота – это такая вещь, которая вынуждает смотреть не на себя, а в себя. Может, там не всегда красиво, и поэтому люди так любят фотографироваться. Особенно влюбленные. Они всегда так радуются сами себе, и свои рожи везде клеют – на майки, на кружки, на посты, на пригласительные открытки на свадьбу. Как будто бы нигде в мире нет ничего красивее их рож, и они сами ничему так не радуются, как им. Мне кажется, что по отношению к фотографиям можно провести различие между влюбленными и любящими.

Я не доверяю людям, которые меняют аватарки чаще раза в год.

Снова вспомнила, что я больше не студент.

Наверное, вылететь из универа так же неприятно, как влюбиться в некрасивого человека. Нет, вылететь немного неприятнее, потому что в фойе у нас стоят такие огромные красивые зеркала, в которые очень удобно фотаться. И если ты больше не можешь ходить в универ, то значительно ущемляешь себя в количестве качественных селфи. Опять же, если у тебя некрасивый парень, то и фотаться с ним лучше в плохое зеркало, чтоб его было видно похуже. Таким образом, если меня уже отчислили, то и парня мне можно заво-

дить некрасивого. Стало быть, одна непростая в прошлом дилемма разрешена.

Мне начинает казаться, что я засыпаю. Наверное, так и есть, ведь я проснулась рано, а потом ехала в маршрутке стоя и не выспалась там, соответственно. Мне снятся собственные воспоминания: какой-то праздник в центре города. День чего-то там: семьи, любви или верности. Танцующие молодожены, которым приспичило в этот день стать супругами. Танцующие пары постарше, у которых в этом году случился какой-то юбилей. Их поздравляли, вручали подарки, и теперь все им хлопают, а они танцуют. Там были и совсем старички, бабушки и дедушки, которые не торопились плясать, но понемногу и они принялись покачиваться и топтаться на месте. Все, кроме одной пары. Они так и стояли в окружении других людей, и просто смотрели на остальных. Они уже давно держали друг друга за руки, еще до начала танца. Они просто смотрели по сторонам, держась за руки. И я, не знаю, почему, тоже смотрела, но только на них. И почему-то теперь, в этой странной темноте лифта я очень стараюсь разгадать, о чем они думали. Может, что-то вспоминали? Свою свадьбу? Молодость? Совместную счастливую жизнь? Или я слишком сентиментальная, и они просто глуховатые, вот и не танцуют? Всё равно мне ужасно захотелось вдруг узнать, что это значит – иметь человека, с которым можно постоять в толпе танцующих держась за руки, потому что я терпеть не могу танцевать.

Наверное, я уже сплю.

Приходит время, и я понимаю. Темнота необходима. И мне нужно было застрять в лифте гораздо раньше. Теперь я точно знаю, что у каждого рано или поздно обязательно возникает потребность застрять в лифте. Главное – не испугаться.

Хотя, может быть, достаточно зажмуриться.

Пакет ннада?

Вчера у меня закончились пакеты для мусора. К несчастью, я обнаружил это, когда, как говорится, «было уже слишком поздно». То есть, в тот момент, к которому я уже окончил самые тщательные подготовительные мероприятия к еженедельной уборке: нашел орудия труда (ведро и футболку для мытья полов), и широким жестом сбросил на пол кочки бумаги, шелуху от семечек и какой-то еще ценный сор, хранившийся на столе. И тут оказалось, что определить всю эту добытую мною роскошь не во что.

Да и кроме этого, мне нужно было куда-то выкинуть пакеты из-под покупок. При тщательном осмотре квартиры оказалось, что их скопилось достаточно много. Но пакетов для мусора у меня больше не было. И магазинные пакеты просто некуда было положить. Вдруг я вспомнил, что у меня есть пакет для пакетов. Это для хранения пакетов, которые потом могут понадобиться. Настоящее спасение! Я с радостью запихал все найденные пакеты в спасительный пакет. Гора в центре комнаты стала поменьше, но мусорные пакеты все еще были нужны, и я пошел в магазин.

Много раз, стоя в очереди к кассе, я развлекался тем, что наблюдал за работой продавщицы. И каждый раз мне было ужасно жалко эту добрую женщину, благодарящую за покупки каждого покидающего ее человека. Спасибо за покупку,

приходите к нам еще. Самое странное в профессии продавщицы не то, что ей приходится повторять эту фразу как минимум тысячу раз в день, а то, что при этом люди ей не верят. Она же получает за деньги свои слова. Значит, у нее не может быть собственного желания что-то добавить к той фразе, произношение которой оплачивается ей в соответствии с трудовым договором. И зачем отвечать этой коварной женщине, если свою пользу она и так получит? Для чего реагировать на формальность? Не стоит поддаваться этой всепоглощающей бездушной машине вежливости, ведь никому не известно, что придумают эти продавщицы, если им удастся получить контроль над разумом человека. Ещё заставят нас ограбить самый большой банк в стране, или постоянно покупать эти непопулярные яблочные йогурты. Так думают проходящие мимо продавщиц люди, и молча хватают свои пакеты.

Спасибо за покупку, приходите к нам еще.

Если б это я изо дня в день смотрел на эти подозрительные мины, что бы я им всем сказал?

Одно время я всерьез мечтал стать продавцом, чтобы иметь возможность отговаривать людей от некоторых покупок. Но, наверное, такое мое поведение нарушало бы их конституционные права на частную жизнь, или что-то в этом роде. Да и меня бы в скорости уволили в связи с обнаружившейся финансовой нестабильностью компании-работодателя. Тогда я придумал другую профессию, которая и по сей

день кажется мне крайне полезной, никого ни в чем не ущемляет и не наносит урон торговцам и охотникам-собираателям. Профессия называлась бы так:

Дополнитель: *Специалист по Конструктивному Уравновешиванию Товаров Первичной и Вторичной Необходимости*. Мое рабочее место располагалось бы рядом с кассой, сразу за левым плечом продавца. Я тщательно исследовал бы корзину каждого покупателя, после чего добавлял бы недостающие, но очевидно необходимые человеку при уже имеющемся наборе товары.

Вот, посмотрите. Семья: родители и их девятилетний сынок, у которого уже имеется своя собственная потребительская корзина. Два сникерса, две гигантские пачки чипсов, двухлитровая бутылка колы. Не тормози. Эти большие булочки, у которых в сердцевине аж по две охотничьих сосиски. Надо полагать, это всё ребенку. Его девятилетний второй подбородок мне об этом рассказал. Думаю, что к покупателям этой семьи специально для родителей я бы добавил нашу копченую курицу, срок годности которой истек две недели назад. Может быть, страдания их собственных желудков помогут им реалистичнее представить то чудесное будущее, которое они ежедневно готовят своему сыну.

А вот мужчина среднего возраста. Каждый день он покупает по четыре пачки сигарет. В его корзину я бы точно положил визитку хорошего психоаналитика. И, конечно, мусорный пакет.

Парни и девушки с непомерным количеством алкоголя. Ну что я могу сказать. Возьмите хотя бы презервативы, и я умоляю вас всё-таки постараться ими воспользоваться.

Девушка с ведерком мороженого и шоколадными конфетами. Ей – билет в кино. Кино, как ни крути, лучше, чем «Магазин на диване».

Парень, который всегда покупает маленькую булку хлеба и десяток яиц. Ему тоже нужен билет в кино. На место рядом с предыдущей девушкой. Лучше слева от нее. В конце концов, хватит жить исключительно со своим тридцатипятилетним холодильником.

А этому парню с конским хвостом, ежедневно приходящему за пачкой быстрозаваривающейся лапши, я предложил бы газету с объявлениями о работе. Конечно, он либо интеллеktуал, либо будущая рок-звезда, но даже Оскар Уайльд где-то работал, пока не стал Оскаром Уайльдом. А с приобретением язвы желудка он вряд ли будет ближе к своей мечте.

Мужчина и женщина с шестью пакетами одежды. Предлагаю вам также приобрести книгу. «Сказка о рыбаке и рыбке», к примеру, Александра Сергеевича, чем не хороша? Будет полезно узнать о существовании других интересных вещей помимо вещей. Но до того, как вы начнете читать, возьмите все мои мусорные и просто пакеты, в том числе и те, что припасены на крайний случай (потому что он как раз тот), сложите в них остальные свои покупки и выбросьте их, пожалуйста, в урну на выходе.

Как ни крути, дела обстоят именно так: большинству из них я выдавал бы мусорные пакеты.

Привет, Елена

Немногие люди могут похвастаться тем, что, знакомясь с человеком, они уже знают о нем почти всё. Я могу. Два раза в неделю я знакомлюсь с мамой.

У нее альцгеймер уже почти три месяца. Такой, при котором забываешь самые неподходящие вещи: как солить помидоры, например, или то, что у тебя есть сын.

Главное, папу она почему-то не забывает, сестру тоже. Только меня. Прямо как в детстве.

Я не в обиде, просто мне теперь стало сложнее навещать родителей: мама всегда может проснуться посреди ночи и испугаться того, что у нее в доме спит какой-то чужой мужик.

Папа все пытается рассказать ей, кто я такой. А она ему в ответ терпеливо так повторяет: «Сережа, что ж ты не запомнишь никак: нет у нас никакого сына! Если б я его рожала, я бы что, забыла?»

Выходит, что так, мам. Забыла.

Я приезжаю к родителям два раза в неделю. Сестра – в остальные дни. Отец теперь постоянно рядом с мамой, домашняя работа вся на Оксане. Из меня плохой помощник.

Когда мама меня помнила, она говорила, что я заиклен на деньгах. Я и до сих пор могу помочь только ими.

Сестра говорит, что родителям пора переехать в город, поближе к ней. По пятьдесят километров только в один конец каждый день – это издевательство. Ей тяжело. Я это понимаю, но родители к переезду абсолютно не готовы, и я тоже. Не представляю, чтобы мои старики жили в какой-нибудь модной квартире с пластиковым балконом, а наш дом, в котором все мы были семьей, стоял тут один, словно как пес, которого оставляют зимовать на даче.

Поэтому два раза в неделю я ночую у родителей. Чтобы сестра могла хоть чуть-чуть отдохнуть. Правда, готовлю я плохо. Я предлагал нанять уборщицу или кухарку, или сразу обеих. Сестра злилась и говорила, что я все пытаюсь решить с помощью денег.

Ну да, пытаюсь. Если честно, я не понимаю, чем им всем деньги не угодили.

Сегодня я ночую в своей детской спальне. С тех пор, как бросил школу в десятом классе, я появился тут снова только в прошлом году. Наверное, потому в этой комнате стоят те вещи, которые перестали быть нужными в других. Но и мое барахло тоже сохранилось. Например, сборная модель парусника – мне ее подарил Денис. Мы оба тогда мечтали отправиться в кругосветное путешествие под парусом, и я – мечтаю до сих пор.

В детстве мы с ним часто устраивали ночевки. Но не спа-

ли, конечно, а секретничали, как девчонки. Денис был толстый и в очках, сейчас сам он стал намного худее, а его очки – толще. Наверное, для равновесия.

Однажды Денис сказал мне кое-что. Он сказал, что, если бы его родители были не его родители, а дети из двора или одноклассники, то он, скорее всего, не стал бы с ними дружить. Просто они неинтересные. Я видел, что ему неприятно говорить такое, но мы обещали делиться важными мыслями, и эта мысль даже сейчас мне кажется важной.

А я подумал тогда, что это мои родители отказались бы со мной дружить, будь у них выбор. Я не сказал про это Денису, нарушил обещание. Сам не знаю, почему.

Воспоминания – странная вещь. Если я думаю о каких-то прошедших событиях, то никогда не могу вспомнить в них себя. Из моих воспоминаний постоянно получается только какая-то киносцена, как будто я это видел в каком-нибудь фильме. Интересно, помнит ли нашу беседу мой друг?

Просто детская болтовня, но я ворочаюсь уже двадцать минут, пытаюсь вспомнить свои чувства тридцатилетней давности.

Между попытками заснуть я слышал, как по коридору шаркает отец. Потом стук открывающейся двери. Он не очень хорошо спит, и, когда просыпается, выходит в сад, если не холодно. Мне захотелось пойти за ним и поговорить. Может быть, про то, о чем я думаю, или просто про погоду.

Я вышел в коридор. Чтобы найти свои кроссовки, вклю-

чил в телефоне фонарик. И услышал мамин крик.

Она точно кричала от испуга, и я, не думая, заскочил в их с отцом спальню. И, конечно, напугал ее еще больше. Мама уже стояла возле окна, и теперь смотрела на меня так, как и должна была в такой ситуации. Пожилая женщина и ворвавшийся к ней чужак. Мы стояли и смотрели друга на друга с открытыми ртами. Мама первая сообразила, что делать, и стала звать папу на помощь.

Я поднял вверх руки, как полицейские в боевиках, когда они хотят, чтобы их пустили к заложникам, и так же, как эти полицейские, сказал:

– Не волнуйтесь, я пришел помочь! Я пришел помочь Вам, Елена.

Я давно заметил, что звук собственного имени часто успокаивающе действует на человека. Мама перестала кричать. Она еще раз внимательно меня оглядела и спросила:

– Вы из разведки?

– Да, это так. – сказал я. – Простите за беспокойство, но дело того требует.

Мама была серьезна. Она приблизилась, медленно кивнула, не отрывая от меня взгляд, и тихо сказала:

– Вы пришли, куда надо. Они тут. – она махнула рукой на окно. – Тут, в моем саду. Инопланетяне прячутся здесь.

С этой информацией я должен был что-то сделать.

– Вы сможете задержать их один, если у Вас есть оружие. – подсказала мама.

– Оружие есть. – подтвердил я.

Мама и не думала сомневаться. Она попятилась, пропуская меня к окну, и я понял, что без промедления обязан атаковать. Я дал маме знак, чтобы она вела себя тихо, сгруппировался и совершил уникальный по своей грациозности и ошеломительный в своей технической точности прыжок на подоконник, открыл окно так быстро, что инопланетяне не успели ничего сообразить, и я накрыл всю их шайку, сиганув с подоконника в кусты крапивы, которые должен был скосить еще на прошлой неделе.

Конечно, про крапиву я забыл, иначе так смело в нее запрыгнуть у меня бы не получилось. Поэтому я вскрикнул от неожиданности и противной боли.

– Бей их! – закричала мама, услышав, что мне уже досталось.

Я поднялся, выпрямился – и вдруг увидел, где я. Я увидел сад, в котором всегда росли мамины цветы. Сад, в котором сестра выгуливала котенка. Маленькая живодерка, она цепляла ему поводок на хвост. Сад, в котором мы с мальчишками играли в прятки, и в пиратов, и в циркачей, потому что там можно было и прятаться, и исполнять трюки.

Сад, где я дрался с зелеными троллями, и побеждал, а потом пришла мама и спросила, почему я бью палкой кусты смородины. Я знаю, что за испорченную смородину она очень злилась, но когда я ответил, что вот-вот одолею короля троллей, она крикнула: «Вперед, мой герой!» И я начал

колотить палкой по кустам еще сильнее. Когда я решил, что победил, она захлопала в ладоши.

Как я мог забыть, что я – её герой?

И вот я голыми руками сражаюсь с крапивой, вырываю ее с корнем, ору на нее из всех сил, и, кажется, побеждаю, а мама смеется от восторга и хлопает мне. Она восторженно встречает меня с победой и придерживает оконную раму, пока я залажу обратно в комнату. Багровые рубцы на руках и лице свидетельствуют о моем героизме.

Мама смотрит с восхищением. Она бежит за йодом, подает мне полотенце, садит меня в кресло отца. Отец, кстати, давно уже стоит в дверях.

– Знаете, – говорит моя мама, – я всегда так хотела сына. И муж хотел. Вот бы Вы были нашим сыном.

– Пожалуйста, – говорю. – Это я как раз могу.

Мама бросается меня обнимать. Потом она кричит папе, что он может больше не фантазировать, теперь у него на самом деле есть сын.

Мы не ложимся спать до самого утра. Оно понятно, как можно спать после сражения с пришельцами? Долго пьем чай, мама рассказывает о случившемся папе, обсуждаем все произошедшее, потом переходим на другие темы. Не помню, когда мы последний раз так сидели.

Наконец родители начинают позевать чаще, чем произносить слова, и я отправляю их спать. Мама целует меня в лоб и говорит, чтобы я навещал их так часто, как только мне позволяет моя экстремальная работа. Я говорю, чтобы они засыпали, а я должен еще установить в доме систему безопасности. Поэтому я остаюсь сидеть на стуле и смотрю, как они уходят в свою комнату, и закрывают дверь.

Прощай, Елена. Очень может быть, что завтра ты снова забудешь меня. Но теперь это не важно.

Не важно.

Пиньята

Вчера ночью мне приснилось, что я – пиньята. Я, как положено, висел вниз головой на заднем дворе, а ноги мои были привязаны веревкой к толстой ветке. Не знаю, чья это была ветка, дерева я не видел. Вокруг меня бегал клоун и бил по мне специальной палкой. За клоуном бегали дети. Дети были маленькие и очень смешные. Они с надеждой смотрели на клоуна, и он начинал бить сильнее. Мне не было больно, потому что я был пиньятой. Для пиньят это нормально. Но конфеты из меня все равно не сыпались.

Потом я проснулся и пошел на работу. На работе меня встретил начальник, и пригласил к себе в кабинет. Там он подвесил меня за ноги прямо над переговорным столом, за которым сидели все мои коллеги, и стал бить меня специальной палкой. Из меня посыпались конфеты, и жвачка из кармана тоже выпала. Женщины, конечно, обрадовались конфетам, но и жвачку кто-то тоже забрал.

После работы я пошел к родителям, потому что они устроили семейный ужин. Об ужине я был предупрежден за две недели, и еще раз – вчера, чтоб не забыл. Так вот, я прихожу, и там папа подвешивает меня за ноги прямо над обеденным столом, за которым сидят все мои родственники. Он бьет по мне специальной палкой, и из меня сыпятся конфеты. Много конфет. Все говорят, что они вкусные. И я бы

не отказался от парочки, но, к сожалению, глотать, висая вниз головой, не слишком удобно.

Вечером мы встречаемся с тобой в баре. Ты красивая, очень красивая. Ты оказываешь на меня почти магнетическое воздействие.

Ты просишь бармена помочь тебе, и он подвешивает меня за ноги, прямо над барной стойкой, за которой никто не сидит.

Ты смеешься, а из меня сыпятся конфеты. Всё сыпятся и сыпятся. Много, очень много конфет. Потом я иду домой и ложусь спать.

И мне снится, что я – пиньята. Клоун бьет меня специальной палкой, а конфеты никак не появляются. Дети кукаются, и один кудрявый мальчик начинает плакать. Мне хочется помочь клоуну, и я знаю, как. Наконец я трещу по швам, и лопаюсь. Разноцветный град обрушивается на прыгающих подо мной детей. Они смеются от счастья и ловят конфеты и ртом, и ладошками. Непойманные конфеты с вкусным стуком скачут в разные стороны.

Клоун грустно смотрит на меня. Он снимает свой поролоновый нос, и я понимаю, что его собственный нос мне знаком. Пока я думаю, почему его лицо так похоже на моё, клоун говорит: «Не переживай. Я знаю, как тебя зашить. Я помогу, тебе ведь завтра на работу, да и она обещала, что вечером придет».

А я и не переживаю. Для пиньяты тут – вообще ничего

особенного.

Лёгкий способ прославиться

Он держит склад и продает там фрукты. Яблоки и лимоны. Груши и виноград.

Помидоры.

Рихтер сжимает пальцы сквозь пальто и ясно видит, как превращает лицо этого огородника в томатную пасту.

Он стоит в движущемся автобусе, руки в карманах. У него достаточно успешно получается удержать равновесие без помощи поручней. На повороте водитель слишком резко выворачивает руль, автобус виляет задом и какая-то женская спина наваливается на Рихтера.

Рихтер старается не морщиться, но чувство омерзения только усиливается. Он никогда не находился настолько близко рядом с незнакомыми и отвратительными на цвет и запах человеческими существами. Рихтер пытался вспомнить, когда он последний раз ездил в автобусе. И не вспомнил. Наверняка это было задолго до того как отец подарил ему свой первый гелентваген. А может, этого совсем никогда не было.

Но он все придумал, и автобус в этом деле – его идеальный помощник.

Сначала Рихтер предупредил своего заместителя, что не поедет с ним обедать, потому что ему необходимо поговорить по телефону с заболевшей мамой. Потом он сказал

своей секретарше, чтобы его не беспокоили в ближайшие два часа по той же причине. Когда Рихтер говорит, чтобы его не беспокоили, дверь в кабинет он закрывает на ключ, его секретарша об этом прекрасно знает. Потом Рихтер звонит маме, та, к счастью, мало чем интересуется и просто оставляет свой телефон включенным по его просьбе. Рихтер оставляет свой работающий телефон на столе, дожидается, когда секретарша уйдет из приемной, и выходит из кабинета, закрывая за собой дверь. Камер наблюдения у него в офисе почему-то нет. Сейчас ему кажется, что их нет именно потому, что справедливость на его стороне, и от этой мысли его решительность достигает гигантских размеров. Он забегает на пожарную лестницу и, убедившись, что с торца здания действительно никого нет, спускается вниз. Его автомобиль спокойно стоит на парковке перед входом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.